МОСКВА
МЕГАПОЛИС
ДОМ

ПОЭТИЧЕСКИЙ
МЕГАПОЛИСБОРНИК

Московский союз литераторов

Издатель ИП ПРЯХИН, 2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Московский союз литераторов
М82 МОСКВА МЕГАПОЛИС ДОМ**:** ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕГАПОЛИСБОРНИК − Тула.: Издатель ИП ПРЯХИН В.К., 2018. − 107с.

Москва – это мегаполис, то есть огромный, специфическим образом организованный континуум, состоящий из разных пластов пространства-времени. Но это и состояние менталитета, или даже – живое существо. Поэтому речь о Москве, изложенная стихами, может быть сколь угодно метафизична и не сводима – пусть и к очень красочной – пейзажной лирике. Поэты данного сборника представляют пространственно-временной континуум по имени мегаполис Москва каждый по-своему – сообразно тому, как сложилась их жизнь, отражая разные его пласты. Перед читателем предстаёт причудливый целостный московский мир-организм, который по-настоящему только поэтически и можно описать, и осмыслить – убедительней, а главное, глубже, чем прибегая к помощи обычных описаний, карт и даже фотографий.

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ

ISBN 978-5-9908916-3-0

© авторы 2018
© Л. Вязмитинова, составление 2018
© В. Галечьян, дизайн обложки 2018

СТИХИ О МОСКВЕ

Москва… как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

Александр Пушкин

Что такое Москва? Казалось бы, ответ очевиден: город, мегаполис, то есть огромное, специфическим образом организованное пространство. Однако, уверен, многим не покажется абсурдным утверждение, что Москва – это состояние менталитета, или даже – живое существо.

Всякий живущий в России знает, что у неё – две столицы: Москва и, по Пушкину, «Петра творенье», то есть Санкт-Петербург (обычно называемый попросту Питером), и между ними имеет место быть своего рода соперничество. И здесь приходится говорить уже не о пространстве в географическом смысле слова, и даже не о формальных (семиотических) играх пространства-времени (как бы они ни были увлекательны), а об идеальных смыслах. С Питером сопрягаются европейский темп жизни (Пушкин назвал этот город «неугомонным») и геометрическая стройность мышления, с Москвой – русская лень, домовитая душевность и творчески плодотворная расхлябанность.

Но ведь это суть качества не абстрактных категорий, а живого существа. Более того, речь идет о двух видах ментальности, которые проявляются у людей, живущих сколь угодно далеко не только от обеих столиц, но и от каких-либо вообще городов. При этом конкретные характеристики древней нашей столицы – от расположения на семи холмах до похожести на искусно сплетённую паутину сети метро могут быть изоморфны неким скрытым, подчас иррациональным свойствам Москвы как единого организма.

Поэтому речь о Москве, изложенная стихами, может быть сколь угодно метафизична и не сводима к (пусть и к сколь угодно красочному) описанию московских улиц, скверов или даже пустырей), то есть пейзажной лирике. Москва – отнюдь не визуальный феномен, как бы не претил этот факт рациональному разуму.

Остаётся добавить, что Москва – от исторического центра до самых её весьма удалённых от него окраин – состоит из разных пластов пространства-времени. И поэтам приходится описывать пёстро-красочный калейдоскоп московской жизни, состоящий из бесчисленных малых миров, образующий причудливый целостный московский мир-организм, который по-настоящему только поэтически и можно описать, и осмыслить. Москва – это не столько пространство-время, сколько слово, знак, звук, поэтому именно стихи явят её желающему познать убедительней, а главное, глубже, чем любые описания, карты и даже фотографии.

И ещё: существует особый московский текст, что вовсе не подразумевает наличие в Москве особого литературного направления – в противовес Питеру. Художественная литература вообще не является фактом географии. Но вот такой факт: Пушкин призывал современных ему литераторов прислушиваться к языку московских просвирен.

Теперь – слово поэтам, которые, вполне возможно, разрушат своими текстами вышеизложенную умственную постройку, поскольку поэзия не может быть описана с помощью умственных построений. И вообще, у каждого поэта – своя Москва, и читатель имеет шанс, прочтя этот сборник, почувствовать разные грани таинственного организма, имя которому – Москва.

Василий Геронимус

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВ

* * *

По площади Амилькара Кабрала
Идёт печальный Агостиньо Нето
(а может кто-то на него похожий),
А всполохи пронзительного света
Рождают тени за спиной прохожих.

Над голубой продымленной Москвою
Горят лучи июльского заката,
И исчезает бывшее когда-то,
Теперь уж навсегда, стремясь к покою.

Над площадью Амилькара Кабрала
Витает запах гари и черешни,
И памятью о зрелых апельсинах
Ещё полны картонные коробки.

Но вечер разливается туманом,
И скоро смоет запах апельсинов,
Исчезнет привкус дыма и черешни
И с ними призрак Агостиньо Нетто.

ВЛАДИМИР ВАСМУТ

* * *

Памяти Виктора Бесфамильного

Разве небыль – это небо,
Шум дождя в разгар цветенья,
Вкус вина и запах хлеба,
И в Донском – богослуженье.

Разве небыль – твои руки,
Твоих губ прикосновенье…
Нет, и не было разлуки,
А в Донском – богослуженье.

Отчего ж на сердце вьюга?
Нет, не плод воображенья –
Утро, похороны друга,
И в Донском – богослуженье.

Пусть смеркается дорога,
Нет, не сон, не наважденье –
Снова осень у порога,
И в Донском – богослуженье.

* * *

Было ясно, потом непонятно…
А потом мы расстались с тобой.
Почему-то возникла внезапно
В это время метель над Москвой.

И потом от ненужной тревоги
Ни дела не спасали, ни хмель,
И опять аккуратно дороги
Застелила однажды метель.

Помню, долго бродил я по снегу,
Но сегодня, о нём не скорбя,
Прочитать бы по звёздному Небу,
Что когда-нибудь встречу тебя.

ОСЕНЬ

Мелькание, свечение, кружение
Осенней позолоченной листвы.
И вижу я опять преображение
Такой знакомой и родной Москвы.

Сомнения, стремления, пророчества,
Воспоминаний сладостная сень –
И я опять в плену у одиночества,
В арбатской суете, в субботний день.

А в подмосковной рощице, стоящей
Под ветром и встречающей рассвет,
Я понял, что любовью настоящей
И лаской человеческой согрет.

* * *

Посвящается Марине

Шёл я по улице незнакомой…
Н. Гумилёв

…Куда ты спешишь, постой!
Я ждал тебя столько лет:
Уходишь, я сам не свой,
Могла бы раскрыть секрет.

Да разве секрет – листва,
Осеннего леса край,

Дорога к Москве, Москва,
Сквер, дом в три окна, трамвай.

Под близкой звездой река,
Но долгий уже рассвет,
И серые облака,
И грусти на свете нет.

* * *

Ирине Ракиной

Я в синий троллейбус сажусь на ходу…
Булат Окуджава

Еще не допел Окуджава,
Троллейбус легендой не стал…
Ведь в доме с Арбатом направо
Когда-то и я проживал.

Читал на заре Гумилёва
И Блока листал наугад,
И стало казаться мне – снова
Пристанищем будет Арбат.

Но нет, закрываются двери,
Поэты, что те облака…
И снова мне трудно поверить,
Поверить. что жизнь коротка,

И снова почётное бремя –
Брести по арбатской земле.
За полночь московское время,
Арбат лучезарный во мгле.

* * *

маме

Плывет кораблик по реке,
Как настоящий. С парусами,
Малыш! Поместится в руке,
А вот плывет под облаками,

Спешит. Спешит куда-то вдаль!
Игрушка ведь, а так упряма…
И вдруг дожди, и вдруг печаль,
Отъезд, пакует вещи мама.

Соседский мальчик забежал
Прощаться – времени немного.
И снова снится мне вокзал,
Тот дачный, и в Москву дорога.

Вечерний поезд ждем давно…
Жаль, мамы нет уже на свете.
Но все равно, но все равно
Вновь по Москве гуляет ветер.

И наяву, а не во снах
Прекрасен город многоликий…
Но вот зачем держу в руках
Опять две алые гвоздики?

НОВОСПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ

Не могу я непричастно.
Сводит медленно с ума
В Древнерусском Новоспасском
Эта женская тюрьма.

…Приведут, разденут просто,
Снимут с пальчика кольцо.

На лице твоем короста,
Опорочено лицо.

И не знаешь, что расстрелян
Был отец не так давно.
Чей-то кашель… тесно в келье,
Зарешётчено окно.

Замалеваны святые
В Божьем храме на стене
В этой солнечной России,
В этой сумрачной стране.

– Катя, Катенька, Катюша,
Подойди-ка, что с тобой?
– Папа, папочка, послушай…
– Это, доченька, за мной…

– Девка-пряник, хоть еврейка,
Стать упругая пока…
Норовит под телогрейку
Конвоирова рука.

– Не ломайся, будешь рада…
Ах, не нравится? Браток,
Ну-ка, врежь-ка ей прикладом…
Снова низкий потолок.

Резь в глазах, у подбородка –
Одеяло… Холод, сырь…
В горле комом, криком в глотке –
Новоспасский монастырь…

* * *

Красивый дом на Павелецкой,
Июльский полдень, летний зной…

Воспоминания из детства,
Неомрачённые войной.
Прогулка вдоль реки, обратно…

Но, как-то, выйдя из ворот,
Опять увидел я солдата,
Как будто зная, что придет
На костылях и в гимнастерке…
Эх, костыли… Да, не к лицу…
– Я командир тридцатьчетверки, –
Светло сказал он мне, мальцу…

Потом глядел, глядел куда-то…
Что это было? Нет, не сны…
Ему мерещились ребята,
Солдаты, что погребены…
Земля чужая, небо злое…
Неподалеку вражий дзот.
И снова не давал покоя
Проклятый сорок первый год.

* * *

Появляется солнце вечернее,
Освещает дорогу легко.
Пусть метельно сегодня, наверное,
Лучше этого нет ничего!

А поблизости храм Вознесения,
Что стоит у Никитских ворот,
И в Прощённое Воскресение
Я услышу, как служба идет.

Потом вспомнится что-то весеннее,
Чтобы после довериться снам.
И в Прощённое Воскресение
Прикоснуться лицом к облакам.

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

* * *

Я – горожанка коренная.
Асфальт – лужайка и трава.
И утренний звонок трамвая
Мне – словно трели соловья.
Я – горожанка коренная.
Широкой чудятся рекой
Прохожих толпы, что стекают
По Пушкинской, Тверской-Ямской.
Я – горожанка коренная.
И дух бензиновый порой
Меня дурманит и ласкает,
Как запах мяты луговой.

Я лес люблю, озёра, поле,
И я себе ни в чем не лгу,
Когда любуюсь их раздольем,
Но без трамваев – не могу!..

Когда надолго уезжаю,
И грусть мне сердце обожжёт,
То память быстро утешает:
Ведь есть мой город, мой оплот.
Не знаю ничего дороже –
Вдыхаю воздух городской,
Гранита ласковую кожу
Так нежно глажу я рукой.
Шагаю древнею брусчаткой,
И солнце плавится в листве.
Как сердцу весело и сладко –
Я снова дома. Я в Москве.
Здесь все моё. И кровных нитей
Ничем на свете не разъять.
Ни позабыть, ни заменить мне
Тебя, Москва, нельзя. Как мать.

ЮРИЙ ВЛОДОВ

НА СЕМИ ХОЛМАХ

(Юбилейная ода к 850-летию Москвы) *

Москва! – вне племени и рода...
Одни легенды над тобой...
Но вся славянская природа
Твоей пронизана судьбой!
Ты рождена в наречьях оных,
Ты возросла в мирах иных,
От княжьих брёвен оборонных
До храмов стольных, именных.
В твоей мучительной науке
Мужала воинская злость...
«Москва! Как много в этом звуке!..»
И сердце русское зашлось...
Сигнально вскидывались листья
Округ дозорной городьбы.
На мгле рыжела шапка лисья
Смертельной смертницы – Судьбы.

** По свидетельству вдовы Юрия Влодова – Людмилы Влодовой эта поэма была написана «на заказ» – для визита (несостоявшегося) с какой-то просьбой к тогдашнему мэру Москвы Юрию Лужкову представителей редакции журнала «Юность», в которой работал тогда Юрий Влодов. Она была опубликована в одной из официальных газет и стала «паровозом» (написанном специально для публикации в советской печати текстом, к которому «прицеплялись» все остальные) в книге Юрия Влодова «На семи холмах» (М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008), изданной при поддержке Правительства Москвы и единственной, за которую он получил гонорар.*

И на заречном ратном кряже.
Дробя копье, – с дружиной врозь,
Рычал хмельной, бесстрашный княже:
«Не трожь, тутарин, святу Рось!!..»
В Орду – вслепую – без дороги –
Бежала пламенем трава.
И, унося кривые ноги,
По-волчьи выла татарва.
Еще дымилась Божья рана,
Юдоль – славянская тоска...
Но в обречённом вопле хана
Р о с с и ю чуяла Москва!..
…….
Москва! – холопница, обуза! –
Тысячеустная молва!..
Но ни поляка, ни француза
Ты не приветила, Москва!..
Там Васька дыбился Блаженный,
Являя русский передел, –
Мятежно-ряженый, страшенный,
Свидетель всех удельных дел.
Грозницы взрыдывали разом, –
Струями омывая храм, –
По угнётенным богомазам,
По ослеплённым мастерам...
Господен кат – Иване Грозный –
Был, что Архангел, мудр и яр.
Его нездешний взор морозный
В крутой озноб вгонял бояр.
Тряслась мехов боярских псина.
А кат, абы прогресс добыть,
Долбил жезлом родного сына, –
Чтоб слабину Руси добить...
В Кремле плясали трали-вали, –
Точь-в-точь степная ураза!
А с перепьяни бунтовали,
Воздев бояр на железа.
Вбивались в светлые палатья –

Ядри твою ведьмаку-мать!..
С княгиньки рвали бело платье,
Чтоб груди спелые умять...
И – воровали, воровали...
Любили, черти, воровать!..
И – воевали... воевали...
Любили, черти, воевать!..
И плёлся шляхтич недобитый –
На запад – в топкие леса.
Во стольном граде Лжедимитрий
Всё прятал беглые глаза.
Умолкли вещие кукушки.
Померкла польская заря.
И в небеси взлетел из пушки
Прах самозваного царя…
Не облак, – адова примета!
Не облак, – облик Сатаны!..
И Бонапартова карета
Бежала стылой стороны.
Руси залапанная карта
Подранком билась на снегу.
А детский чубчик Бонапарта
Ледком покрылся на бегу...
……
В надрыве рабской, смертной скуки,
В трудах двужильных и в бою,
Какие сказочные муки
Крутили душеньку твою!
Но лёгкой доли не просили
Твои сыны, твои волхвы –
И на святых холмах России,
И на Семи Холмах Москвы...
Земной слезой полью ковригу
В разбойном, сиром кабаке.
И обниму попа-растригу
С дубьем в чугунном кулаке...
Омоюсь я слезой небесной –
Туманной манной на реке,

Когда нетронутой невестой
Пройдет Россия налегке...
Под занебесным звёздным просом
Я от любви сойду с ума!..
И зябко выдохну над плёсом:
«Не Богородица ль сама?!..»
Благоволит к Руси Мессия, –
Мучитель Небом обличен.
С тобой Христос, о Свет-Россия!
А чёрный Дьявол обречен...
……
Над миром – свастика паучья.
Её размах необорим.
И мощь безлобая, ползучья,
Прёт на Москву – на Третий Рим.
Прёт плотоядно, жадно, рьяно –
На ополчённую Москву –
Стальной дракон Гудериана,
Сжигая снега синеву.
Да будет враг сражён гордыней –
Гордыней дьявольской убит!
Пусть Площадь Красная – твердыней –
Бессмертье духа вострубит!
Пусть грянет Весть над теремами
Победной звонницей веков!
Пусть Место Лобное громами
Тряхнет, как Сорок Сороков!
Из ворожбы да из гаданий
Встаёт предтеча всех основ –
Москва – родилица преданий,
И зрячих слов, и вящих снов.
Входи в Москву, коль сам не ворог,
Коль на Христа не держишь гвоздь, –
Ты на Москве – желан и дорог,
Ты на Москве – и брат и гость...
……..
Зри Замосковье, русич хожий.
Светило в радужных кругах.

Лесной шалаш, на стог похожий.
И птичьи промельки в лугах.
Глазеешь ты на дождик талый.
А у святого родника
И просветлённый, и усталый,
Ты вдруг увидишь двойника.
Он, твой двойник, – такой же русый,
Такой же смуглый и живой.
Быть может, – больше светлоусый,
Да шрам под глазом – ножевой.
В листве дробится сгусток света.
Тропа искрит от ранних рос.
«Ты кто?» – спросил, и ждешь ответа,
И Он ответил: «Я – Христос».
Как странно!.. Господи, как странно!..
А луг медвяницей горчит.
А на Его ладони рана
Ещё слегка кровоточит.
А он смеётся до придыха.
Грызет бесхозную моркву.
«Куда идешь?» – спросилось тихо.
И Он сказал: «Иду в Москву.
Я – пешеход. Люблю. Привычка».
Ушел. Котомка за спиной.
И где-то взвыла электричка
Осатанелым сатаной...
…….

Над Рождеством (равно – над Пасхой),
Над золотницей куполов –
Всплыл архирейский бас от Спасской –
Возглавил хор колоколов.
Стоглавый день стозвонно начат
В соцветьи дымок и дымов.
Москва-река по бабьи нянчит
Семь великанов – Семь Холмов.
Машина Времени ручная, –
Волна мифических племён, –

Волна московская, речная,
Волна знамён, волна имён.
Реки счастливую подкову
Окрестит луч из облаков, –
От Долгорукого к Лужкову
Пришла волна живых веков.
Здесь, во стоглавой, во стозвонной
Во славу древнеросских дён, –
Возрождена душа Поклонной,
И храм Христовый возрождён.
Господним отсветом окрашен
Славянской Стольницы наряд.
Чу! – паруса церквей и башен
Под ветром Вечности горят.
Сияй у Вышнего причала,
Живое детище Творца! –
Тебе – Великой – нет начала!
Тебе – Столикой – нет конца!

* * *

Ах, в Измайловском парке! –
да на кромочке льдистого луга,
Задрожала плутовка
и заныла, как в море белуга:
«Ты прости меня, милый,
что вчера полюбила другого,
Донельзя распрекрасного,
потому донельзя дорогого!»

Уй, в лесу городском,
где разлив распростёрся безводный!
Зашипел я, как змей,
и закаркал, как ворон безродный:
«Ты прости, дорогая,
что вчера полюбил я другую,
Донельзя расчудесную,
потому донельзя дорогую!»

И пошли кто куда,
а былые безумные страсти,
Как весенний ледок,
раскололись на мелкие части…
И не в том ли секрет,
чтоб топча эту хрусткую слякоть,
Всё куда-то идти, хохотать,
и безудержно плакать!..

* * *

Ах, сестричка-электричка,
Моментальная, как спичка,
Подустала понемногу,
Чирк! – и снова в путь-дорогу!

Оглядитесь и поймёте –
Вы в Москве, а не в Париже,
Вон впервые любит Гёте
Тот, которому поближе.

Эскимо сосет манерно,
По-столичному, без фальши,
Относясь высокомерно
К тем, которым чуть подальше.

Ну а те, кому подальше,
Колбасу жуют без фальши,
Курят в тамбуре носато
Вплоть до Павлово-Посада.

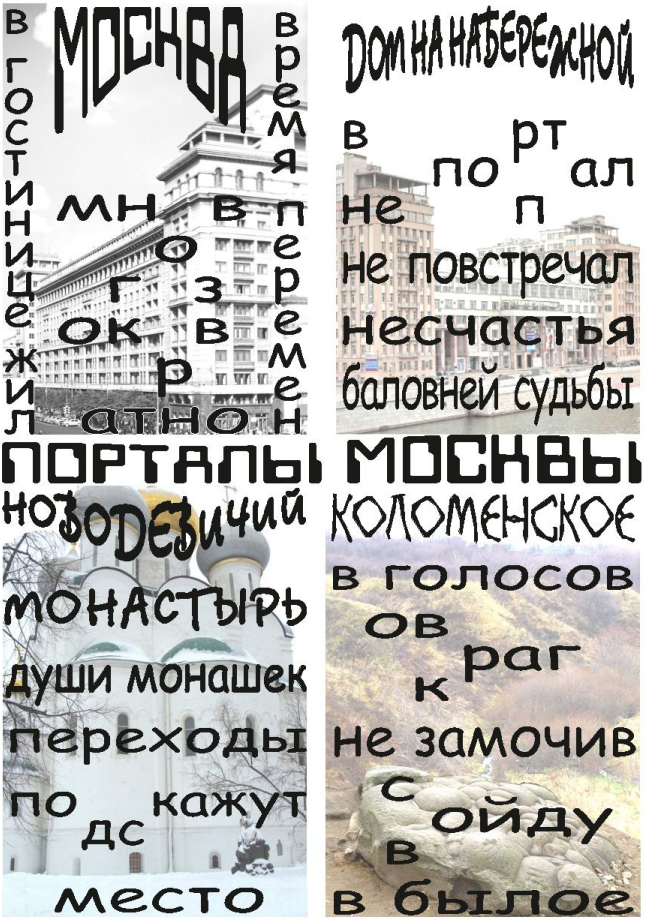
ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА

МОСКОВСКОЕ – 1

Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг», через слово «враг»,
через слово «жизнь», через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не сметь»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоём не дано лететь.
Через тлен и прах, через боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слёз на моих глазах,
лишь огнём горит солнце в небесах.

МОСКОВСКОЕ – 2

Чашечку чая?
Улыбнитесь...
Нет, это не борода Бога,
Это дым из трубы промышленного предприятия.
Плывет аромат чая.
Стучит сердце.
Стучит компрессор за стеной соседнего здания.
Улыбнитесь…

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН

ДМИТРИЙ ГВОЗДЕЦКИЙ

ГОРОДСКОЙ БЕТОН

Я набрал полный рот городского бетона,
Мегаполисным дымом привычно занюхав,
Тротуара топтал ледяные ладони,
Задыхался в плену тополиного пуха,

Изнывал от жары, утопая в подземке,
Наслаждался кричащей на пробку сиреной,
Растекался в автобусе полном – по стенке,
Ненавидя все винтики этой системы.

Расскажи мне про ад сковородок шипящих
После лета две тыщи десятого года!
Расскажи, как зомбирует всех телеящик
После тысяч, пропавших в айфоно-айподах!

Расскажи мне про страшную непродуктивность
После двух километров – за час – Ярославки!
Расскажи, как боишься людей агрессивных
После очереди к терапевту за справкой!

Расскажи, коли слово осталось в запасе,
Мол, зажрались… и прочие все небылицы.
Не останься немым и совсем безучастным
К райской жизни, что в каменных кущах столицы.

Но сперва хоть немного отведай бетона –
В мегаполисах он посерей и погуще,
Прогуляйся микробом по микрорайонам, –
Здесь дорогу осилит не каждый идущий.

ВАСИЛИЙ ГЕРОНИМУС

МОСКОВСКОЕ МЕТРО

Вижу схему метро. Сколько ломаных линий!
Каждой линии цвет соответствует разный.
Вот к пределу листа устремляется синий,
вот на плоскость картинно вторгается красный.

Умолчу отстранённо о вкрадчиво сером,
схемы серый участок оставив покою:
надо б речь подкрепить надлежащим примером,
а его-то и нет у меня под рукою.

Без примера же схема метро непонятна;
а тогда… куда нам отправляться, не важно.
Только зыблются пёстро-случайные пятна,
на листе расположенные на бумажном.

В световой организм их вписали умело,
и несут они службу – по одиночке,
пёстрым линиям преданные всецело
многочисленных станций цветные кружочки.

Буду долго по линиям взглядом метаться
и кружить по кольцу, не имея покоя.
В этой пёстрой тщете мне вовек не расстаться
с беспредельной тоскою, с огромной Москвою.

Мир ветшает. Но бездна души в состоянье
удержать номера телефонов знакомых.
Между ними, как в космосе, сеть расстояний,
и вскипает мой пульс до небесной истомы.

КАРТИНА

Торопятся расхлябанные дровни.
Вершится на Москве недолгий суд.

Мелькает мимо изгородь часовни.
Боярыню Морозову везут.

Дороги пахнут лесом и расколом…
Ныряет полоз сослепу в сугроб…
Страданья неподвижным ореолом
надменно окружён строптивый лоб.

Захлёбываясь выстраданным криком,
очерчен – в снег – овалом алым рот.
Не горе, что радений о великом
постичь не может вышколенный сброд.

Так искренность горячих заблуждений
подчас живее всех беззубых правд…
Густеет нестерпимо мрак осенний,
и ветер свищет, брёвна разбросав.

В преступнице порода неподкупна;
не сдерживая вольный дерзкий тон,
она живёт размашисто и крупно,
каким бы колким ни был чёрный фон.

НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА

ЗИМА В МОСКВЕ

Зима в Москве! Румяные мадонны
Торопятся, закутавшись в меха.
Задорная лукавость взглядов томных,
И мерность в гарцеваньи каблука.

Ударили крещенские морозы,
Жестокостью своей ошеломив.
И от мороза выступили слёзы
У непоколебимых постовых...

В Крещение берет такая одурь,
Мерещится такая ерунда:
Что ёжится насквозь продрогший Гоголь
Под бронзовой шинелью в кромке льда...

СТАРЫЙ АРБАТ

Как разуверенный в кресте
Глядит во страхе и смятенье,
Так все больнее видеть мне
Арбатских улиц вырожденье.

Предчувствие конца во всем:
На всем тяжёлый запах тленья.
Пропитан тайной каждый дом,
Печально бродят чьи-то тени.

И юность позабыв, и трон,
Седые гордые старухи
Себя ещё находят в том,
Что ночью вызывают духов.

И чёрных окон пустота,
И мысль, что здесь когда-то жили, –
Невыносимее креста
На позаброшенной могиле.

У МОГИЛЫ ЧААДАЕВА.
МОСКВА. ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Он высшей волею небе
Рождён в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут,
В Афинах Периклес.
А здесь он – офицер гусарской.
А.С. Пушкин

Петр Яковлевич Чаадаев кончил
жизнь в 1856 году, 14 апреля.
Надпись на могильной плите

Я стою у надгробья его...
В смерти он, как и в жизни – один.
Тишина – и вокруг – никого.
Позабытый, непонятый сын.

Сын России! Её он бранил
За отсталость, бесцветность идей.
За отсутствие целей клеймил
Бесполезные жизни людей.

Он в своем нашумевшем «Письме»
С погребальною страстью терзал
Души. С болью, в смертельной тоске
Строй жестокий плетьми бичевал.

В «свете» он «сумасшедшим» прослыл.
Всех смущало – неловко смотреть

На холодное это лицо.
Даже подпись – «Некрополис» – Смерть.

За здоровьем его наблюдал
Полицейский штабс-лекарь, чтоб он
Педантичный режим соблюдал:
«Офицеру пользительно», – мол.

Дом на Ново-Басманной в Москве
Отгонял от себя светских крыс:
«Боже правый, проклятье пошли,
Порази – там присутствует Мысль!»

Умер он, когда теплый апрель
Землю к жизни иной пробудил.
И звенела печально капель –
Этот звон его в путь проводил.

Одинокий, спокойный лежит
Под тяжёлой чугунной плитой.
О, прохожий, прошу не спеши,
Сбавь свой шаг, хоть минуту постой!

Тишина, и вокруг никого...
Только шёпот листвы под ногой
Доверяет рассказ мне простой...
Или, может, то – голос его?

АЛЕКСАНДР ГУТОВ

МОСКВА С ВЫСОТЫ

Лето сон остатки сна медленный облёт стволов тополь
по-московски вязок кровли светлая полоска петли новые
развязок чаще чаши куполов обтекают струйкой воска
муравейник возбуждён крыш подчеркнута супрема купно
зелень там и тут остров заново рождён вопреки ученью
Брема иномарки ленты трут разноцветными жуками
различает чуткий слух тарахтенье в птичьем гаме юных нет
и нет старух в зеркале в лежащей раме стая птиц отражена
чей-то памятник грустит Шереметьевский подковкой даже
если над Петровкой не найдешь кариатид.

В СКУЧНОЙ СОВЕТСКОЙ МОСКВЕ

В скучной советской Москве
старые кубы церквей не были отреставрированы
сквозь осыпавшуюся штукатурку
проступали тёмно-красные кирпичи а купола не увенчивал
крест
на пахнущих сыростью – так пахнет камень – полах
валялись доски слипшиеся газеты и рулоны рубероида
тишина и тайна выползали из тёмных углов
и тревожили воображение – здесь когда-то была своя жизнь
недалеко от заброшенных храмов стояли сложные здания
клубов
или вытянутые в духе Вальтера Гропиуса призмы Домов
культуры
в них занимались рисунком или бальными танцами
учились играть в шахматы или проводить бросок через
бедро
огромные корпуса заводов были полны шума и движения
гигантские краны несли над головами рабочих
железные трубы по проложенным по середине цеха рельсам
гремели мерно через определённые промежутки

тяжелые молоты и проходили наискосок
через большие дворы заваленные огромными катушками
стальных тросов
и металлическими заготовками мужики в черных спецовках
и тяжёлых подбитых железом ботинках
в метро то и дело попадались офицеры
и мне когда я в декабре вернулся в Москву
в шинели жёсткий воротник которой натирал шею
и в ушанке с гнутой красной звездой в позолоченных листьях
приходилось то и дело бросать правую руку к виску
на Арбате днём было довольно тихо и редкие прохожие
спешили по каким-то явно неотложным делам
а в переулках можно было не встретить ни одного человека

современные храмы сложены из очень светлого кирпича
с ровной кладкой и тонким белым бордюром раствора
лучшие из них воспроизводят – но в гигантских масштабах –
владимирскую архитектуру
я постоянно проезжаю мимо огромных пустых корпусов
завода
с разбитыми стеклами и яркой рекламой
прямо на обветшавших стенах
трудно отличить офицера от рядового
на всех одинаковая полевая форма
тёмные звездочки на погонах
шнурованные берцы и помятые кепи
а может быть просто мне уже не нужно
вскидывать руку в обязательном приветствии
и поэтому я не отличаю офицерских погон
от солдатских

АЛЕКСЕЙ ДИДУРОВ

МОЙ ГОРОД С СИНИМИ ГЛАЗАМИ

С хмельной, но ясной головою
(Все члены тоже – ничего)
Бреду предутренней Москвою
(Давно не важно, от кого!).
Устало шаркаю шузами,
Будя, как стаи сизарей,
Мой город с синими глазами
Витрин и окон на заре!

Ругаю память что есть силы,
Но открываются окрест
Симпатий братские могилы,
И на любой надежде крест.
Я был здесь предан – и друзьями,
Но ты же тоже рос в золе,
Мой город с синими глазами
Витрин и окон на заре!

И мы стоим еще с тобою,
И мы с тобою пошумим,
И околдуемся любовью,
Самими посланной самим!
Пускай я проклят небесами –
Ты мне награда на Земле,
Мой город с синими глазами
Витрин и окон на заре!

МОЙ СТАРЫЙ ГОРОД

Ярится над Столешниковым лето,
Дерётся и тоскует детвора,
Звезда июня, словно глаз валета,

Скользит пасьянсом окон до утра,
А утром просыпается пластинка,
Вторгается в нескромные мечты –
Я внемлю Энгельберту Хампердинку
И крикам коммунальной сволоты.

Мой старый город, я согнусь, а ты не старишься,
Мой старый город, я загнусь, а ты останешься,
На этих улочках кривых,
На этих вечных мостовых
Когда-нибудь прервутся швы шагов моих!

Я жил, о счастье некоем тоскуя,
Ох, как я проклинал судьбу свою!
Я жил, не замечая, что живу я
В московском старом каменном раю.
А между тем, с огромным чувством такта
Москва меня сманила красотой
От зла гигиенических контактов
К бряцанию на лире золотой!

Мой старый город, я согнусь, а ты не старишься,
Мой старый город, я загнусь, а ты останешься,
На этих улочках кривых,
На этих вечных мостовых
Когда-нибудь прервутся швы шагов моих!

И если киска с ликом полудетским
Почти всадила в сердце мне любовь,
Я отражусь в витринах на Кузнецком,
Смекну, что просто малость не здоров.
А лапушке, не ведавшей расклада,
Кивну на антикварный особняк:
«О бэби, мы с фасада с ним – что надо,
Да вот внутри – глухой неудобняк!».

Мой старый город, я согнусь, а ты не старишься,
Мой старый город, я загнусь, а ты останешься,

На этих улочках кривых,
На этих вечных мостовых
Когда-нибудь прервутся швы шагов моих!

МОСКВА МОЯ…

Москва моя, мама, невеста,
Приросшее детское место,
Тебя волоку до черты,
Где кончат, и первая – ты,
и первая – ты…

Жуть жить – вот какая житуха,
Не сыщешь ни Бога, ни духа,
Отца умыкнули в скоты,
И сына, и первая – ты,
и первая – ты…

В проулках твоих змеевидных
Сколь выпало ран мне завидных,
Сколь женщин пошло на бинты –
Без счета, и первая – ты,
и первая – ты…

Погряз я в феминах и ранах,
И в песнях своих шибко странных,
Я грязен – но песни чисты,
И раны, и первая – ты,
И первая – ты!..

НОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Сядь на скамейку – посмотри на перспективу
Москвы, в которой ты по личному мотиву
Глотками переохлаждённый пьешь рассвет.
Бездомной тати кстати лишь чужие жены,

Поскольку пушки их лужены разряжены
По ближним за день, чем лафет и разогрет.

Ах, как во мраке спален жалок он и жарок,
И стан, и стон крепкосемейных горожанок,
Огня дающих мне в сражении за быт.
И пусть я стужей окружён, я не контужен,
Конец не краток мой, и я не безоружен,
И после яростного дела не разбит!

И глядя в двери спящей запертой подзёмки,
И проклиная канифоль ночной позёмки,
Змеясь душою под мужскую букву «М»,
Я в эту площадь перед «Соколом» вмерзаю
И ноготком с немой щеки слезу срезаю, –
Как хорошо, что не видал её гарем!

Ведь что Москва слезам не верит – всем известно,
За что ей «Оскар» перепал с гнилого Веста,
И уж подавно веры нет моим слезам!
Сгоняя влагу не мочой, а через очи,
Как часто чувствовать спешил я что есть мочи,
Но вот, Москва, открой метро – закрой Сезам!
Моя Москва, открой метро!
Моя Москва, закрой Сезам!

ОЛЬГА ДОБРИЦЫНА

Из текста «БОЛЬШОЙ МОЙ, ТРЁХГОРНЫЙ!»

УГОЛ БЕЛОГО ДОМА

14.
Из окна дальней комнаты
угол Белого дома виден.
Когда-то был чёрен.

15.
Армянка на улице к себе пригласила –
переждать:
«Пристрелить ведь могут».

16.
Часовой на углу –
закутан не по сезону.
Жарко.

17.
Под прикрытием бронетранспортёра –
к родному дому,
по стеночке –
до двери подъездной.
Путч.

18.
Пули трассирующие
над крышей летали
алыми птицами с огненным опереньем.

19.
Мучила телефонную трубку:
сын у родителей.
Темно. Страх пожара.

20.
Ямка в кирпичном заборе осталась,
подпирающем горбатую землю.
Еле заметна.
По слухам, на Шмитовском
подросток убит.

ДОМ ПРОХОРОВА

21.
Дворик мой тих.
Музыкальная школа рядом.
Звуки трубы.

22.
Метаморфозы замка,
стоящего во дворе:
построен до революции –
владельцем Трёхгорной мануфактуры
фабрикантом Прохоровым.

23.
В советские времена –
там был детский сад, беседки.
Сына водила гулять.

24.
Ныне – резиденция директора Арбат-престижа,
так говорят.
Или другого большого человека.
Выкрашена небесно-голубым.
Ограда тоже.

25.
Скульптуры во дворе –
ретро эпохи застоя.

Салют по праздникам.
Звезда на воротах мигает –
зелёным-красным.

26.
А дом, в котором живу,
построен был для ткачих.
Бабушек ещё помню – поумирали.

* * *

9 мая 2017 года –
анютины глазки на клумбах –
цветные мопсы
лают беззвучно –
белым-желтым-фиолетовым –
из-под снега…
Выжили!
Парк Победы вокруг дома.

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ

Воробьёвы Горы,
Птичьи стрешни.
Здешней, город,
Лакомься черешней
Голубооктавных
Междометий.
Шёрохокартавный
Шарит ветер –
Не таятся ль
В кровлях лип над пляжем
Древние паяцы?
В клёнов пряже
Не скликают ли? –
Лови беглянок! –
Сатиressы скайпов
Троп, полянок
Дрожь пугливых
Шёпотокасаний,
Ног извивов
В беге, в танце дланей
Для летучих в дали –
Мир не тесен –
Над бетоносталью
Птичьих песен
С полосканьем
Взоров, губ и прядей,
Тверди обмираньем –
Звона ради
Над шарманкой
Улицы кромешной
Неба щелью манкой,
Синей стрешней.

МОСКВА

мясо этого города
шелковые огни под ногами
фиалковые бутоньерки окон
косые гребни водопадов высоток
змеиный шелест проспектов
шелушащий резиновую кожу
вьющийся вдоль брусчатки
и щиколоток прохожих

…когда в бетонных кольцах
лопается
оптика дня
его букраний
чёрным рогом
втыкается
в артерию солнца
на белый остистый
наброшен
свадебный венок
прожекторов и сигнальных огней

изнутри
его пустота
имеет свойство лонжи
и натёрта мелом
шершавые стенки
создают иллюзию сцепленья
с глазницами времени
порами языка

СНЕГОПАД

порхает кружевной балет
на дне бетонного колодца
там тёмен всякий силуэт

фонарной синевой одет
и как стекло о тени бьётся
но тяжелеет в сквозняке
от желтизны подъездной двери
едва прищучишь в кулаке
ключей издёрганные трели
и понесёшь сквозь этажи
в слегка вибрирующем лифте
след партитур в размокшем шрифте
чужой планеты пассажир

БОРИС КОЛЫМАГИН

MOSKOU: BACK IN USSR

* * *

В дружественной обстановке
я шагаю по Петровке,
где аптека, где музей,
где троллейбус-бармалей.
И с веселою толпою,
с газированной водою
все мечтаю, все спешу,
одиночеством дышу.

* * *

На свалку похож подмосковный лесок,
и все-таки остров, живой уголок.
Наборы пернатых, вон зяблик – коленце,
джинсовые девушки – ёкает сердце –
с холеными догами. Посторонись! –
Старушка проносится. Лань или рысь?
Пользительный бег. А пикник? А бутылки
с водой газированной, как на картинке.
А я все иду, вспоминаю хоккей,
что чехам мы глупо продули – ей-ей.
Вдруг гул – и петлю самолет начертил,
наш остров как будто к себе подцепил.

* * *

Москва! И в сумерках природа.
Москва в любое время года:
несешься сам и по себе

вокруг да около к трубе.
Протяжно дует, вырастает
проспект, стоглавое шагает
во множестве, где гастроном,
где локти-сумки напролом
в моё минутное мечтанье,
в то, отпускное ожиданье,
а глаз, ломаясь на ходу,
затёрся в рокот, чехарду:
потеет плоть, шипит метро,
и тянет, тянется хитро –
чу! – шелестящая газета
вас прокатила вокруг света.

* * *

Старухи в очереди жмутся,
столовая дрожит, как блюдце,
к подносу тыркает поднос.

Пролился суп, но стол достойно.
Я примостился, мне довольно –
от пота, запахов зарос.

Но лето – резвая комета,
Глядит, как лозунг с того света,
сопит и крутится всерьёз.

Я выбираюсь своевольно
к троллейбусу и – пшёл! – спокойно
по шару-шарику вразнос
лечу, как блюдце, как поднос.

* * *

О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята:
Каким ты хочешь быть Востоком –
Востоком Ксеркса иль Христа?

Вл. Соловьёв

На пятачке автобус бродит-крутит,
Кинотеатр, как очередь, ленив,
широколицый рынок балагурит,
и первый снег, как молодость, красив.

Иду к метро: плакаты, переливы,
народ в газеты погружен, уснул,
и только мыслей лабиринт: извивы:
ползёт и пилит равномерный гул:

единогласно. Ксеркс, его столица.
Лишь тихо – ой! – и – руки всем по швам.
Корабль плывет, натруженные лица,
курс – как узнать? – к пустынным островам.

А капитан... мираж. Не в капитане,
а в жизни – той, что солнце-синь-трава
зелёная с девчонкой на поляне
в купальнике – плещи, веди, Москва!

* * *

Хватай глазами воробьиный писк,
прогорклый снег – и ветер, ветер – визг
трамвая сбоку. Тянут, наползают
дома, метро, прижались, замирают,
читают, спят, но выше – тускло тает
полуденное солнце декабря.

Ты в суете, сорвалось, но не зря
душа – свеча – дрожит, не умолкает.

* * *

Дорожки-зверьки вокруг горки плутают,
собаки, машины вкруг горки блуждают,
народ постепенно и ветер мгновенно
с подножия к верху втекают.

Вкруг горки вокруг, словно Марья-краса
в кащеевом царстве, овраги, леса,
и старичок спешит с ноготок,
и хлынули синь-небеса.

Заря поднимается, всех подняла,
дорогу лучом поскребла,
и тихо при том стоит гастроном
на горке, как дева, ветла.

* * *

А бывает – ну что бывает?
На вокзале в картишки – вот.
Время медленное убывает,
и девица глядит в упор.
Полистает книжонку – зыркнет.
Губки розовые – кольцо.
Дама – краля, валет не пикнет,
и понёс чемодан за ней.

ВЛАДИМИР КОЗЕНЕЦ

* * *

Москва! Москва! Как далека ты!
Мне еле слышен Спасской звон.
Его любимые раскаты
Ловлю среди эфирных волн.

Вот снова треск, вдруг – Гимн Советов.
И диктор: «Говорит Москва!..».
Ко мне, сквозь штормы, на край света
Летят знакомые слова.

И льды становятся теплее.
Стихает ветра ураган.
И темень неба вдруг светлеет.
И замирает океан.

Все стихло – говорит Земля.
Милей и краше звуков нет,
И светит звездами Кремля
Сиянья северного свет!

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН

* * *

… Как много в этом звуке, но
Как на бесцветное кино,
Порой гляжу я на столицу.
Толпа столицая летит,
И неумерен аппетит
У молодёжи бледнолицей.
……

Порой хожу я в дансинг-клуб,
Чтобы коснуться чьих-то губ,
Косноязычных и невнятных.
Рассвет вползает, как змея,
И ты качаешься, а я
Смотрю на платье в тёмных пятнах.

Как много в этом звуке… ты,
Дотанцевав до хромоты,
Икоты, ломоты, зевоты,
Находишь выход и пальто,
Идёшь к метро, зовешь авто
И слышишь окрик: «Ну, чего ты?» –

«Звезда» с «звездою» говорит…
Звучит английский и иврит,
И робкий мат ласкает ухо,
Когда, с красоткой тех же лет,
Подросток, распахнув жилет,
Плюет и щурится… «Пир духа!» –

Слегка начитан, скажет он,
Но, окружён со всех сторон,
Переведёт – и, корчась в муке
Нужды, простой и половой,
Упрётся в стену головой –
И все сольётся…в этом звуке.

* * *

В знаменателе – смерть. А в числителе – ты, дорогая.
Дорогое твоё навсегда исчезает, увы.
День бесследно уходит, и я по тропинке шагаю
В ста верстах от горячей Москвы.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Почему так тихо? В Москве не бывает тихо.
У ларька на Каховке пиликает соловей.
У прохожих, свободных до нервного тика,
Узкие щелочки между бровей –

Третий глаз наблюдает, тщательно маскируясь:
Как тут у нас с духовностью? В толчее толпы –
Все ли готовы взмыть над ручьями улиц?
Всем ли ведомы Истинные Столпы?

Плесни и ты на прилавок Нового Вавилона
То, что считаешь истиной в этот миг.
Стань пузырьком среди городского бульона,
Одной из улыбок его, одной из книг.

* * *

Свет холодных огней
Над вечерней Москвой потух.
За окном – темнота, а в ней –
Тополиный пух.
Он войдет в твою комнату,
По обоям твоим шурша.
Он забьёт все щели,
Чтобы ты жил, не дыша.

Свет холодных огней
Растворился в душе твоей.
Раствори окно, потому что там –
Темнота, а в ней –
Миллионы домов
Молчат миллионы лет.
Миллионы слов
Угасли. Их больше нет.

Ты запомнишь тот день,
Когда убежишь сюда,
По одной примете:
Хотелось услышать «да»
На любой вопрос,
Тобой не заданный вслух.
За окном зима, а в ней –
Тополиный пух.
Помнишь, как, задохнувшись,
Раздвигая губами мрак,
Ты шептал: дай мне знак, Господи,
Дай мне знак.

* * *

посреди Москвы, когда смолкают машины,
затихают салюты, соседи спят,
поднимись на заснеженные
заоблачные вершины,
посмотри на огни: это звёзды к тебе летят.

в каждом сне,
в каждой невыпитой строчке
остаётся – вопрос? –
остаётся
невысказанный ответ.

хочется сделать
подарок дочке.
желательно, удивительный.
смерти нет.

ВЯЧЕСЛАВ КУРОЧКИН

ОСЕНЬ В МОСКВЕ

Иду с женою – кавалер.
Пинаю золото – миллионер –
с берёзы, дуба, липы –
какого хочешь типа.
Они стоят за рядом ряд –
парад.

Стоят скелетами –
чернота.
Стоят раздетыми –
неспроста.

Не стриптиз.
Не за плату.
Золото пало вниз
листопадом.

Меняем одежды –
пора.
И золото-денежный
вид у двора.

МАРК ЛЯНДО

МОДЕРН – ПЕТЕРБУРГ – МОСКВА

1.
Орта, Орта – модерна зачинатель,
Нам гид вещает.
Он – Виктор Орта
Навыдумал изгибных
Рам, углов!
На все четыре света –
Как дерево –
Фасады развернул
И внутренние стал –
– вовне структуры
Являть.

Бергсоновский *элан виталь*
Вдруг ожил,
В камень, в сталь
Вошел.

Ростков, бутонов,
ящеров

пустил –
По стенам, по карнизам …

…Электросветом
В пассажах, в залах
жёстко засверкал.

И видел мало кто финал
И сроки…

Вот они истоки
Красот и ужасов
Минующего века,

Хотя от грека –
Вздыхавшего гармонии
Вдали!..

Увы, век оказался на мели
Во многом,
Но Мечта,
Но Красота –
Она все – та!..

…А за Брюселем двинулась Европа –
Париж и Вена,
Мюнхен
И конечно Петербург,
Роскошный, небрегая воем пург!..
С Каменноостровским
Таврической и Невским
В гоноре имперском…

«…И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня…» *

И стебли заплелись вокруг шкафов,
И смуту вод морских и волосы наяд
Модерн пустил в особняки в подъезды...
И роскошь новую и новые соблазны
Одним – другим же потный труд
И ненависть и блазны!..

И врубелевы демоны толпой
Закатно – огневой
Засев в чертополохе
Вздыхали о большом переполохе!..

* *Николай Гумилёв «Заблудившийся трамвай»*

…И вот уж масс напор
– плебейский Эрос –
Взбухающий по шахтам, по заводам

пошел по землям,
водам!..

2.
...От всех не оставала и Москва.
И я – мальчишкой,
Гонясь на самокате переулком
Иль на коньках зимой
С горы бульвара
Рождественского –
к Трубной,
Застывал в какой-то миг
И рот раскрыв глядел
Как над толпой, стоявшей за крупой
Иль по галоши –
С великим брендом «Красный треугольник» –

там, там с восьмых – девятых этажей –
Джоконды каменные улыбались
Всеведущей таинственной улыбкой!..

И идеальная круглилась грудь
С соском гранитным –

город же галдел –

А я краснел,
Когда
вдруг кто-то замечал
Мой взгляд,
И голову туда же задирал
С недоуменьем…

Право.
У тех девиц ли, молодаек,
Все больше из деревни –
В очередях на Сретенке –
и грудь, да и бедро
С бокалами колен не хуже –
Под вискозою ли, ситцем.
Иль вытертым каким демисезоном,
А может быть, и лучше были! –
Да кто ж их видел?..

«…Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам –
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям морям...» *
……
Да кто ж их видел? –
Муж, измятый службой
Иль за бельём двора – сосед нахальный?

…О ветер семибалльный
Истории!
Не терпят отлетанья
Соцьяльных зиккуратов воздыманья!
……...
Ушел модерн – пришел функционал,
Квадрат и круг и Беломорканал…

* *Русская народная песня «Ты, моряк, красивый сам собою»*

ВСПОМИНАЮ ОСОБНЯК РЯБУШИНСКОГО В СТИЛЕ МОДЕРН, НА НИКИТСКОЙ

1.

Этот странный остров – дом.
Дом Эдем или Содом?
Плещут ирисы заката
над мозаики прудом…
…….
Где за арочным окном
на стене Мадонна Лита
Небом Умбрии овита
Улыбнулась над Христом.

2.

Вот этот дом, этот dream, этот остров мечтаний –
Абрисов ирисов, злато-лучистых касаний
В рыбах, карибах, кораллах и в гротах балконов,
В окнах-лагунах, в ассиро-египте пилонов!

Дом – ателье – акваторий – молельня – палаццо
Денди, банкира, гурмана и старообрядца.
Мэтра, владельца журнала – «Руна золотого»
С текстами Блока Бальмонта и Вяч. Иванова!

…Вот этот остров зари – над изволньем ограды...
Всем – над чудовищ, над мраком суливший отрады
В веке грядущем – поэтам, солдатам, селянам…
Птицам, летящим сквозь бури в лазурь – океаном!

Здесь же потом поселился мыслитель, писатель,
Книжник, босяк,
ницшеанец, народный страдатель,

Что не однажды сидел тут застольным собором
С другом сердечным – Навухо-рябым-доносором!

Рядом – артисты, чекисты и снова поэты
С гимнами новой теперь уже красной планеты!
Мясо барана залив алазанью кровяной
С тостом восточным, не зная судьбы окаянной!..
……

…Где ж те артисты, поэты? – за былью и далью...
Дом же сказаньем Уайльда – поет над спиралью...
Море-ограды и ирис цветет над заливом
фризных мозаик, навея мечты о Счастливом…

ВЕДУ ЭКСКУРСИЮ В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ

1.
…Снова бегу от метро до трамвая...
А вот и стены монастыря Донского,
Толпу рязанцев внутри встречая –
Им повествуя о том, что не ново:

О том, что выпало тут веками, –
Раствор покорства и вдохновенья, –
Что риз узором, огранкой камня,
Охватом стен придает значенье,
Листам и зорям… Райнер Мария,
Тебя тут вспомнишь, когда вперишься
В надгробье с ангелом, крылья прямые
Ниц опустившего и сверлишься
Мыслью: что же такое ангел?

Икар ли, взмывший на дельтаплане
Из гусьих перьев? Или триангул
Инопланетный в облачном стане?

Ромб ли? Иной ли какой летатель.
В высях ширяющий без причины
Общепонятной, за что обыватель
В страхе возвел его в паладины,
В вестники Бога? ...О чем же вещают
Ангел и эти абсиды храма?
Эти кресты, что верхи венчают?
В чем же их смысл со времен Хирама?

2.
…Зодчий всех зодчих брал циркуль Света,
Бездну делил. Расслоил просторы.
Время родил. Дуновенье ветра.
Воды зеркаля. Пестуя горы.

Но не один! – Перед ним плясала
Альфа – Художница, чудная ликом.
Чтобы по аркам неба блистала
Всем семицветьем и пела бликом
Радуга – в каждой росинке травной…

Дабы над фактом когтя и жала
Смерти безносой, тоски отравной
Вечная сила Любви дышала…

3.
Так, мол, толкую рязанцам, и храма
Зодчие древние строй подвигали! –

Мы же колотимся из-за килограмм
Масла, крупы или прочей снедали!
Все впопыхах, в нахмурьях, в заслонах
Шор суеты среди нашей империи …
А там! – как пышен грозд на колоннах,
Как сомкнуты своды в живом доверьи!
Те же рязанцы, то – есть, местами
Внемлют, то щурясь, а то удивляясь…

Но что это? – Флаги, гербы с крестами? –
Выставка Генуи! Новая завязь –

Знак Перестройки! Плывет Европа
К нам, чудеса свои выставляя!
Скоро, глядишь. – стезёй Автостопа
И мы туда Средиземного рая
Чуть зачерпнуть? …о полно, с почтеньем
Входим: кругом панорамы, слайды,
Фряги – нарядным застыв манекеньем,
Сукна – сейчас бы пошли для свадьбы!

Тут же Колумба парсун – морехода,
Что распахнул целый ящик Пандоры:
Чаплины, жвачки, джинсовые моды,
Мэрилин бюст и переговоры!..

4.
Но вот он – Генуи амфитеатр сафирный! –
Смотри Иванова Вячеслава.
Вулканом был, Гефеста кумирней
Когда-то был. Уж теперь не лава –
Нептун тут плещет! А мачт, колоколен!..
Креветки крыш – сквозь дым тамариска.
Как плата свилью ходов исчертолен.
Иль бегом букв Микенского диска!..

…Ах, Генуя! Купол Айя-Софии,
Ваш храм над Окою в рязанской дали –
Ведь все это танцы Её святые,
Свет золотой от Её сандалий!..

О, Средиземье! Лепеты горлиц.
Смуглые дуги окон двухвенечных.
Шеи склоненные Богородиц.
Вздохи зеркал и морей бесконечных!..

5.
Вот, говорю я, рязанцам – Колумба
Путь за океан они скоро отметят!
Мы же никак не сдвинемся с румба:
Правим туда, где Рогатый встретит!

Вязнем в отдельно взятом болоте,
В очередях, в воровстве ли, в прогаре –
Словно в подраненном том вертолёте –
В Грозном ли, в Сирии, в Кандагаре?..

Туда бы глаза Рязаней, Валдаев –
К твоей лазоревой колыбели!

… Ах, если бы слышал меня Чаадаев
Под грубой плитой в ледяной постели.

ЛАРИСА МЕЩАНИНОВА

ТВИДОВЫЙ ПИДЖАК

Закаты Пресни в окнах полыхали.
А ты носила твидовый пиджак.
И пирожки с рубцом и потрохами
Тот год Тишинский рынок уважал.

Закаты Пресни, вы, закаты Пресни!
Где ж отблеск ваш? Где твидовый пиджак?
Одна к другой перезабыты песни.
Блошиный рай… Милиции сержант.

Я не хочу знать, что с тобою сталось,
Мне безразличен нынешний бардак.
В моей дырявой памяти осталось
Окно с чижом да твидовый пиджак.

Закаты Пресни в окнах полыхали.
А ты носила твидовый пиджак.
И папиросу «Блюминг» так красиво
Курила ты – тишинская душа.

ПАМЯТИ МУЗЕЯ КИНО НА ПРЕСНЕ

Кино на Пресне.
От всех болезней
Всех полезней
этот по-
следний сеанс.
Кино на Пресне.
Сто лет до пенсии.
Что с того, если
Врут донельзя
Сердце и глаз!

… А намедни мне что-то дзынькнуло-прозвенело:

Помнишь ли, помнишь, помнишь, помнишь ли ты
Долли Белл? *
Полноте, Кустурица, право дело, право дело.
Будемте веселиться! Миру мир, а свету бел!

Как-то раз пошёл со студенткой студент
На модного режиссёра.
Красная Пресня, богемный расклад.
Где тот рабочий поселок?

Кино на Пресне.
Тонкий вензель,
Изящный росчерк.
Не потрогать
Сувенир.
Кино на Пресне.
Сиди и грейся
В скромном буфете
Одна на свете
Вместе с ним…

А когда на рассвете проплывет каравелла,
Мы балканской кадаркой помянем Доли Белл.
Развесёлые ночи, сигареты «Gitanes».
Куколка. Колокольчик… девяностым годам.

Лам-ца-ца-друцэ...
Кофе на блюдце,
Кофе на блюдце с каймой. Ой…
Чулочки-бусы. Уйти-вернуться.
Только б ещё не домой.

У кого два диплома, у кого парабеллум.
А я хочу стать беспутной, вылитой Долли Белл.
Вот скажу всем сомненьям: farewell, farewell.
И вспомню всё. И даже больше. Только не Долли Белл.

* *Героиня фильма Эмира Кустурицы «Помнишь ли ты Долли Белл?»*

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ЗАМОСКВОРЕЦКИЕ СНЫ» (1982-1983)

* * *

Жить на Житной, гулять по Полянке,
в пёстрой шали с узорной каймой
на свиданье спешить к Якиманке –
это значит – вернуться домой.

Это значит – из омута странствий
выплыть, вынырнуть в мощном броске,
белой лилии – цвет постоянства –
донный стебель сжимая в руке.

А меня здесь и ждать перестали,
и не светятся окна мои...
Здравствуй, родина первой печали!
Здравствуй, вотчина первой любви!

Ты все та же, и сердцем, и с виду,
всё как прежде, куда ни взгляну.
Глушат водку твои инвалиды,
и мальчишки играют в войну.

Не коснулись тебя перемены –
липы, дворики, тишь, домино,
газировки шипучая пена
на углу у афиши кино.

Дворник улицу драит и чистит,
шарк метлы – самый утренний звук,
а когда осыпаются листья,
он сметает их в медный сундук.

Чинит обувь безногий сапожник,
и поёт, и стучит в мастерской,
но гражданки смеются безбожно
над его музыкальной тоской...

.....

Как картину в багетовой раме,
уношу я свой дом и свой сад...
Я иду проходными дворами
лет пятнадцать и больше назад.

* * *

Слобода была, слобода...
По дворам росла лебеда,
а зимой над печной трубой
вился в небо дым голубой.

Против Мытной шумел трактир,
свой особый копеечный мир,
три копейки – бублик и чай,
пей, голуба моя, не скучай.

Шел к обедне мещанский люд,
рассуждая, где лучше поют,
что за колокол бьет звон-н-ей,
и чей батюшка всех видней.

Чуть стемнеет, замки запирал,
как один, весь Коровий вал,
лишь от самых донских бань
шла-плелась подзаборная пьянь...

Слобода была, слобода,
что иные тебе города –

норов свой, и казна, и речь...
Ничего не смогли сберечь!

Как в худые руки добро,
утекло под полой серебро,
всё пропало – и стать, и сыть...
Значит, так вот тому и быть.

* * *

Люблю моё Замоскворечье
за простоту, за тихий взгляд,
за отголосок прежней речи –
теперь уж так не говорят.

Бреду по набережным узким
и на воду гляжу, как в даль.
Где заведение «Закуски» –
грибы, паштеты, провансаль,

пирог с капустою, огурчик,
«Чего изволите-с? Прошу-с.
Свежайшая, как розовый амурчик.
С горчичкой будет а ля рюс?»

Хозяйка перстнями играла,
хозяин выручку считал.
Кухарка помаленьку крала.
Татарин-дворник подметал.

Так жизнь текла – неторопливо,
своим обычным чередом,
порой – в слезах, порой – счастливо,
и год кончался Рождеством.

К обедне шёл купец степенный,
ломали шапки кто бедней...

А мальчик думал: «Мир есть сцена»,
ещё не ведая о ней.

И лишь предчувствуя ту веру,
которой выверил Шекспир
свою бессмертную химеру,
что сцена – это тоже мир...

* * *

В прадедамовом салопе,
в полушалке с бахромой –
как в малиновом сиропе,
сладка водочка зимой!

Девке – сваха, дядьке – сватья,
людям – чёртова кума.
В три обхвата не обхватишь,
в пять минут сведёт с ума.

– Что ты, тетка, угорела?
Что ты встряла на пути?
Вот не вовремя приспела!
Ни пройти, ни обойти!

Ну какой там раскрасавец
захудалый твой купец?
Не мошенник, так мерзавец!
Не мерзавец, так подлец!

Денег много? Вороватый.
Денег нет? И те пропьёт.
Лучше ты меня не сватай,
милый сам меня найдёт.

Он уже мостит дорогу
прямо к сердцу моему.

У него характер строгий,
не уступит никому!

Сваха верит и не верит,
У неё расклад иной:
ох, повыдергает перья
девке парень озорной.

Ей беда, поди, не снится,
а далёко ль до беды?
– Раскошелься-ка, страмница,
дай старухе за труды.

– Пятачок за эти речи!
Ей обидно, мне смешно...
Обе мы с Замоскворечья,
мы бессмертны, как оно.

ЗОЯ МОРЕВА

К МОСКВЕ

Люблю тебя, Москва моя!
Люблю в час утренней зари
Идти к тебе, восторга не тая.
Поговори со мной, Москва, поговори!
Прошу тебя, Москва моя,
В минуту, когда гаснут фонари
И солнце золотит всех крыш края,
Поговори со мной, Москва, поговори!
Поведайте мне, церкви и монастыри,
Что видели Рождественка, Петровка!
Москва моя, со мной поговори!

Но не люблю дневной я суеты,
Поток машин, толпу людскую.
Не узнаю тебя, не ты это, не ты,
И по тебе старинной я тоскую,
Ведь каждую я слышу мостовую,
Когда в тиши мерцают фонари.
Люблю тебя до боли вот такую!
Поговори со мной, поговори!

МОСКВА. ЗИМА. 2017

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
А.С. Пушкин

Ползёт троллейбус по Тверской,
За ним вослед ползёт другой.

Автобус делает обгон,
Но правил не нарушил он.
Маршрутка тщетно месит снег,
Но начинает дружный бег
Машин-чистильщиков отряд.
И заблестит асфальт. И в ряд
По полосам – и той, и той –
Помчится транспорт скоростной.
А тротуары – переходы
Заполонили пешеходы.

Ба! Что за наряды здесь?
И что за лица?
Ах, Пушкин!
Не узнать тебе столицы.

МАРИЯ ОРДЫНСКАЯ

ЗИМА В МОСКВЕ

1

Многопудовой тушей наступает
Зима на отмороженные пальцы,
и голый снег под сапогом не тает,
и лёд в пруду, натянутый на пяльцы

береговой окаменелой кромки,
звенит, поет в тоске по фигуристам,
и льется песня под балет позёмки
на зависть попугайчикам волнистым.

Они сидят в тепле, в уютной клетке,
прислушиваются, вниз склонив головки,
как где-то за стеной сосед соседке
любовно извлекает из кладовки

литую шубу с шёлковой подкладкой
и сапоги из натуральной кожи,
и запах антимоли и достатка,
как ладан, разливается в прихожей.

…В такой мороз сидеть бы у камина,
старательно укутав ноги пледом,
и рассуждать, что мне зима – чужбина,
и не страна, не город, но при этом

какая скука – мерить жизнь годами,
детьми, делами, книгами, статьями,
болезнями, страстями, городами,
обновками, обносками, смертями.

Какая мука, влезши в муравейник,
не впасть зимой в целительную спячку,
осколок лета – высохший репейник
лелеять, как заветную заначку,

превозмогать по зною горький голод
и, выползая из берлоги в стужу,
делить всю жизнь на оттепель и холод
и уточнять: внутри или снаружи.

2

Переживу рождественский мороз,
отсутствие воды и отопленья,
отсутствие сапог, пальто, и рост
инфляции и, всем на удивленье,

переживу недельный снегопад
без ломоты в суставах и мигрени,
и новогодний праздный маскарад
переживу, и тёплый запах тленья

от уличных проплешин, где труба
с водой горячей скрыта под землёю,
переживу, пока моя судьба
зачем-то называется судьбою,

а не теченьем ветра в вышине,
бездумным перематыванием пряжи;
переживу твою любовь ко мне,
потом тебя переживу и даже

свою любовь, все игры наяву
в надежду на заоблачную встречу.
И, наконец, себя переживу,
и собственной кончины не замечу.

ПО ДОРОГЕ НА СЛУЖБУ
(памяти любимого зверя)

В самом тихом углу на участке, на даче моей,
по соседству с плантацией мака, иссопа, тимьяна,
под огромной тенистой рябиной у самых корней
одиноко лежит мой любимый зверёныш Марьяна…

…По дороге на службу зайду и записку вручу,
заплачу и слова прошепчу, ритуал соблюдая,
и поставлю свечу, и поставлю свечу, и свечу
я поставлю… И в спину глядит Пресвятая.

С каждый годом становится список в записке длинней;
кто-то в срок отошел, кто-то – глупо, бессмысленно, рано:
Николай, Александра, Евгения, Игорь, Андрей,
Алексей и Елена, и в самом конце – Марианна.

Да помянут вас всех. И тебя, мой пушистый зверёк,
наравне с человеком, с родными, с друзьями моими.
Хорошо, что служителям церкви всегда невдомёк,
чьё звучит, уносясь в поднебесную, светлое имя.

Потому что все врут, будто нету души у зверья,
у травы и камней, лишь людей во врата пропуская;
кто бессмертье забрал у ручья, муравья, соловья? –
только спесь сатанинская, только гордыня людская.

Потому что неужто не хватит на всех нас небес,
коль хватает Земли, по космическим меркам – песчинки,
где мохнатые теплые души с хвостами и без
понимают, что небо бывает не больше овчинки,

и приходят без зова, и молча, как в смертной тоске,
прижимаются так, будто нет и не будет прощений,
и шершавый язык на солёной от пота щеке
стоит всех ощущений, тем более – всех отпущений…

… В самом тихом углу на участке, на даче моей,
по соседству с плантацией мака, иссопа, тимьяна,
под огромной тенистой рябиной у самых корней
вечным сном упокоилась Божья раба Марианна.

МОСКОВСКИЕ КУХНИ

...Русская долюшка женская…

Давно отгремел пионерский прощальный салют,
билет комсомольский схоронен в ближайшем райкоме,
проносятся годы, и куры морщин не клюют,
но что-то в душе изначально, как в собственном доме,

живёт, копошится наседкой в кадушке с зерном,
и требует подвига только лишь подвига ради,
готово восславить, готово ударить челом,
готово в шеренгах по восемь шагать на параде.

Нас всех мордовали посредством гантелей и гирь,
колхозов, картошек, субботников, силы нечистой,
нас так воспитали, что рады бы – с песней в Сибирь,
но где-же, скажите, теперь нам искать декабриста?

Вот так и судачим по кухням, что жить тяжело,
что после работы ни Богу, ни солнцу не рады,
таскаем с продуктами сумки по двадцать кило,
как будто бы так нам и надо… А так нам и надо.

ВАДИМ ОРЛОВСКИЙ

* * *

Ты плачешься, что город не кончается,
что вновь за поворотом поворот,
дорога вдаль куда-то намечается…
А ты была у Яузских ворот,
на Швивой горке, в поле Воронцовом,
что под крылом Бульварного кольца
содержатся в порядке образцовом
во имя Духа, Сына и Отца?
Среди платков немногих и косынок
твою причёску вижу я, когда
Псалтырь всю ночь озвучивает инок,
и ладан «Византия» неспроста
переплетён с твоими волосами,
и ты идёшь на звук, и строчек вязь
у инока плывёт перед глазами,
когда стоишь, в киоте отразясь.

* * *

Собор на Красной площади во имя
Казанской Богоматери иконы
я часто посещаю в Третьем Риме.
Мне нравится вычитывать каноны,
три дня говея перед причащеньем
вина и хлеба, то есть Тела с Кровью,
и три часа полученным прощеньем
особо дорожить. Но дверь открою
я на крыльцо – и сердце так и тает,
а неба голубая пустота,
как и всегда, над всем преобладает,
и на душе покой и красота.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

В ГОРОДСКОЙ СУМАТОХЕ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Я иду через Красную площадь.

Счастливые, сосредоточенные лица.
Все фотографируют.

Фотографируют всё вокруг и себя тоже.

Здесь никто никуда не спешит,
Потому что спешить больше некуда.

Изумленными толпами бродят люди,
Удивляются и фотографируют.

Потому что им надо
унести с собой
кусочки
этой горячей
Красной площади.

КОФЕЙНАЯ ДЕВУШКА

(Навеяно атмосферой Мясницкой улицы в районе магазина «Чай. Кофе».)

Я – кофейная девушка! Я – девушка-кофе!
Я бегу мимо вас в городской суматохе.

Мои волосы – мокко, изысканный мокко,
Но мне так одиноко, мне так одиноко.

Я – кофейная девушка с ароматом ванили,
Вы, наверно, меня еще не позабыли.

Я – кофейная фея в карамельной помаде.
Отыщите меня в городском звездопаде.

Я – конфетка ночная. Я медленно таю.
Вместе с кофе ночным в небеса улетаю.

А потом возвращаюсь с излюбленным мокко,
Чтобы не было так без меня одиноко.

ЧЁРНАЯ КОШКА

(Навеяно атмосферой Столешникова переулка.)

Чёрная кошка – не хочет дружить.
Чёрная кошка – себе на уме.
Нравится ей в потаённости жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.

Вон она! – там, в переулке пустом! –
Только два глаза заблещут вдали…
Вон она! – прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.

Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Как в позабытом, загадочном сне…
Вот она! – бархатной ночи душа! –
Чёрная кошка при желтой луне!

* * *

Бежим по городу, смеясь от суматохи…
Весёлыми прыжками по дороге,
Безумствуя, как в праздник скоморохи!

Как много света подарили боги!..
Повсюду пляшут солнечные блики,
Сгоняя с лиц заботы и тревоги…

И лица превращаются вдруг в лики!..
Забыв о суете на этом свете,
Становимся, как гении – велики!

Душой чисты, как маленькие дети!

УЛИЦА

Старых домов – целая улица.
Злятся дома, ропщут, сутулятся,
Блёклых окон пустые глазницы…
Что вы, дома? Что вам не спится?
К вам в темноте жмется прохожий,
Он ведь на вас чем-то похожий,
Также костлявой старостью скручен,
Также седой думой измучен…
Вспомнятся дни давнего детства…
Что от него вам осталось в наследство?
Только толпы стёртые лица…
Вашей тоски не заметит столица.

МАРИЯ ПОПОВА

* * *

А мы гуляем после института.
Весна не первая, и впереди их много.
Бывать на Чистиках
Совсем мне не противно.
Откуда-то вдруг булочками пахнет,
И ветер задирает юбку мне,
Как в школе.
И девушка с бульвара
Крутит файерболы.
А на асфальте
Стекла осколок
Драгоценным камнем
Блестит, как в детстве.
И глаза большие
Подруги рядом.
Мы смеёмся.

* * *

А вчера город был серой жемчужиной,
Найденной мною в луже.
Сегодня под солнцем
Жемчужина стала белой.
Вплету её в ожерелье
И на себя примерю.
Идет ли?
Я знаю, что жемчуг к слезам.
И первый весенний дождь
Их уронит.
Не я.
Я
Улыбнусь.

* * *

сплю вместе с землёю под снегом
вместе вместо и словно слова
наливаются груди
этот город где-то вверху надо мной
переплетеньем дорог и кружевом буден
посвящаю тебе и дарю
фонарём ускользает закат
погружается в зев
ночи смертельной и снежной
и лёгкой и вечной и пьяной
на обалдевших и мёрзлых ветвях
зима улыбается странно

ЕЛЕНА РЫЛЕЕВА

ЦЫГАНКА

Цыганка-девочка в метро
Не Христа ради побиралась,
И за спиной ее качалось
Младенца сонное лицо.

Глаза бездомные, как кошки,
Как кошки ластятся обманом
К руке дающего кармана.
Не густы нынче эти крошки.

Её дитём не назовешь
Прекрасной вольницы Природы.
Москвой пленённые народы
К Москве стремятся на делёж.

И ей немного перепало
За то, что с детства в униженье,
И танца знойное круженье
И дар гадалки потеряла.

За то, что некому платить
За звуки дивного романса,
На посвященье томных стансов
Ей никого не вдохновить.

О, Пушкин! Гений твой велик,
Твои цыганки и калмычки
Имели царские привычки –
Корней живительный родник.

НОЧЬ

Тонкий каблучок
Песню мостовой
Напевает.
Золотым лучом
Месяц фонари
Зажигает.
Ночь бросает чёрный пеньюар
На тротуар –
Для объятий город обнажает.

Ночью все авто
Для случайных глаз
Масти серой.
Щупальцы метро
Погружают нас
В литосферу.
Гномы в подземелье
Возвели для нас дворцы.
Ночь в метрополитене Москвы.
Гномы в подземелье
Возвели для нас дворцы.
Ночь в метрополитене Москвы

В МОСКВУ

За годом год,
за веком век
Москва растет,
как человек.
Как в третий Рим,
как в Вавилон,
идут в столицу
на поклон
все языки

и все народы,
переживают с ней
невзгоды.
Идут, чтоб счастьем
поделиться
с тобой,
страны моей столица.
И ты, как мать
и как подруга,
объединяешь
плотным кругом
своих бульваров
и дорог.
Кто знал тебя,
забыть не смог.

АРКАША САПОЖКОВ

ОДА АВТОБУСНОЙ СТАНЦИИ «ОРЕХОВО»

Всё баулы, баулы, баулы, баулы, баулы,
Рой народа, единый, гортанный глагол.
Из автобусов в ряд, из тенет беспросветного пула,
И Дербент, и Донецк, и Старый Оскол.

Омывая шузы разносолами мартовской бяки,
Семицветия луж попирая покой,
Кто сказал, что мой дом не резиновый, все это – враки.
Он давно прохудился и вытек – новой Москвой.

Кто сказал, что мой город бездонный, это не правда.
Просто дно не похоже на дно изнутри.
Хлопцы, гои, батыры, джигиты повязаны МКАДом,
И нет мочи свалить восвояси из этой петли.

И невестка спешит за снохой, брат за братом,
и, видимо, рады
Продаваться за сраный пятак.
Умирающий наст покрывает таджик русским матом,
Потому, что совковой лопатой его – ну никак.

* * *

Мощные белые мухи,
Сочные, топкие слЕды.
Ветки деревьев, как руки,
Молят у небушка – лета.

Где же оно? Как не слышит.
Тучи к стенаниям глухи.
Облокотившись на крыши,
Мечут холодные плюхи.

Снег пробирает сквозь кожу.
Осень поёт свою коду.
Кошки, собаки и бомжи –
Прячут тела в переходах.

Поздняя осень, поминки,
Лето осталось на фотке.
Я в околотках Ордынки,
Жду минотавра с водкой.

А детвора снегу рада.
Ей наплевать на прогнозы:
Что это – прелюдия ада.
Что скоро ударят морозы.

МАРИНА СОЛОВЬЁВА

* * *

Осень руки смуглые разжала,
И, упав, разбились, как стекло.
Нежные романсы Окуджавы,
Золотые листья и тепло.

Над Москвою, палевой от пыли,
В час, когда темнеет не спеша,
Все осколки осени поплыли,
Словно чья-то грустная душа.

Подступает к сердцу ностальгия.
И дрожит осенний сладкий дым.
И слова, до горечи простые,
Над бульваром кружатся Цветным.

* * *

Москва, омытая дождём,
Встает печальна и красива.
Но и в безлюдии своем
Она ничуть не сиротлива.
Вот дождь прошёл, и грусть прошла,
И запах лип душисто влажен.
И боль твоя не так страшна,
Пока по улицам бродяжишь.
От Красной Площади пройди
До Белорусского вокзала –
И пустоты в твоей груди
Как будто вовсе не бывало.
Здесь каждый новый поворот
Выводит к улице знакомой.

И никогда не подведёт
Огромный мир родного дома.

ТРОЛЛЕЙБУСНЫЙ РОМАНС

Покорна московскому лету
И шуму вечерних часов,
Сажусь в городскую карету,
Где лошади – пара усов.

В окне проплывают деревья,
Извозчица очень мила.
И я к ней большого доверья
Сегодня под вечер полна.

Вези меня, важная пери,
Куда твои очи глядят!
Троллейбуса нашего двери
На всех остановках стучат.

В пылу и в пыли экипажной,
Где листья от ветра седей,
Столицею многоэтажной
Вези меня к дому скорей.

Восходят на борт пассажиры,
Звучит, как пароль: «Проездной!»
Ключи от московской квартиры
Бренчат в моей сумке пустой.

Когда ж проскрипит за Москвою
Последний вагонный засов,
На небо взойдёт городское
Созвездие Гончих Усов.

* * *

Москва, любовь, зима!
И снова я в полёте.
Угрюмые дома,
Вы заново живёте.
Вы, словно кораблей
Плывущая армада.
И песня фонарей
Летит в потёмки сада.

Я говорю тебе:
Смотри, какие блики!
Прохожий в этот день
Не азиат, а викинг.
Метель и снегопад –
Игра, а не преграда.
И фонарей парад
Теснит потёмки сада.

Мы выйдем на бульвар,
Смеясь, пройдем Тверскою.
Струится снежный пар,
Над городской тоскою.
Горячий шёпот твой –
За холод дней награда.
И фонарей прибой
шумит в потёмках сада.

МОЯ МОСКВА

Ко мне приходят мысли странные,
Когда иду к подруге в дом.
На старой улице Басманной
Стоит он прямо за углом.
Я прохожу по Разгуляю:
Знакомый парк, любимый храм.

Я это место с детства знаю –
Гуляла с бабушкой я там.
А вот Покровские ворота,
Где я жила сто лет назад.
Дойдете вы до поворота,
А там мой дом и бывший сад.
Большая Дмитровка родная,
Что раньше Пушкинской была.
Поэт, в притоне там играя,
Все деньги проиграл дотла.
Иду по ней – и всё знакомо.
Любви, разлуки тайный след…
Зайду в подъезд чужого дома,
Где жили мы, и где нас нет.
Мне этот дом порою снится,
Как снится над землей полёт…
Но перевернута страница –
И улица другая ждёт.
Но тень моя летает тихо,
Не зная запертых дверей,
И кружится прозрачным вихрем
Под светлым диском фонарей.

АНЯ ФИЛАТОВА

ГЛАЗА

Где твои глаза? Где мокрое место?
Кажется мне, одно на одном…
На июльских поминках
Не дождёшься мохито,
Следи за руками, тебя принимают
В клуб бывших жён…
Эти женщины не странные, нет,
Они просто все мои мамы…
И им много лет.
Рождённые в Грауэрмана,
Не желают жить на юге Москвы,
А у них за спиной разбирают дома
И снимают трамвайные рельсы…
Они расскажут, как это было у них:
Как выключают дождь под мостом,
Как открытый ноутбук похож
На коробку шоколадных конфет…

А может, тебе сходить к нему замуж?
И пускай он умничает и пьет.
С тобой же лучше ещё ничего не случалось.
На секретных часах третий круг гороскопа –
Твой, 36-й год.
Злых волшебниц не забудьте позвать
На свои торжества.
Так будет всем проще.
Эти женщины не страшные, нет.
Из всех оккупаций – лицедейство оказалось моё,
И меня не забудьте позвать.
Доброй не буду,
У меня сейчас не те времена…

И эта вечная просьба советских детей:
«Мама, не ешь, поедом не ешь меня...
Папа, не пей…».

СТАРУХИ

Это составляет жизненный цикл.
Этим динамитом забит ящик в моей голове.
Геронтологический привкус,
Так отчетливо затикавший во мне…

И эти волосы, вдруг, прямо из лица,
И этот запах жизненный, но уже сладковатый,
Подслеповатые глаза
И никакой мудрости, и только
Повторы, повторы, повторы, повторы…

Болоньевый плащ, треники-коленники,
Собачишка немыслимых кровей,
Вечерние встречальщики, наверху, у метрошных дверей.
На старых станциях такой тёплый, истертый, округлый
кафель.

И эти волосы, вдруг, поперек лица,
И этот запах жизненный, но уже сладковатый,
Внучьи мысли:
«Возьми грех на душу, возьми в дом старика».
И никакой мудрости, и только
Повторы, повторы, повторы, повторы…

Да и в хорошем престарелом доме, где есть куафёры,
С плеч летит снег, седина и дурно крашеный мех…
Героини с утра собирались и теперь готовы –
Кто к выходу в «Пятерочку», а кто и из комы прямо в свет…

И на известных станциях такой истёртый, теплый, округлый
мрамор.

АНДРЕЙ ЦУКАНОВ

НА МОСКВЕ
(в не очень давние времена)

Как по Красной, по Красной площади
Ходят-бродят иностранные люди,
Мавзолей фотографируют «Кодаком»
И подходят к Лобному с трепетом.

А на ГУМ совсем не глядят.

А потом к «России» спускаются,
Выпивают виноградного сока,
Натурального сока с Кипра,
И заходят они в «Берёзку».

А в «Зарядье» совсем не заходят.

Из «России» они чемоданы выносят
И садятся с ними в «Икарусы»,
На «Икарусах» в Шереметьево» едут,
И оттуда они улетают.

Вспоминают тёплые встречи.

Прилетают они домой,
Приезжают к себе на квартиру,
Проявляют из «Кодака» плёнку.
Гасят свет, садятся и смотрят
Мавзолей и Лобное место.

А на ГУМ совсем не глядят.

* * *

Как всегда, я выйду из дома,
Прибреду на автобусный пункт,
Сяду там на маршрутный автобус
И доеду до «Октябрьского поля».

Там я выйду, перейду по переходу,
Прибреду на автобусный пункт,
Сяду там на маршрутный автобус
И поеду назад – домой.

Я вернусь домой и сяду – с наслажденьем.
Включу и слушать буду,
Что мне скажет оттуда несчастный
Про тоску по родному дому,
Что в гостях хорошо, а дома…

Хорошо дома – очень уютно,
Особенно, если можно
Выйти, когда захочешь…

ПЬЯНЫЙ ИДИОТ
или МОСКОВСКИЙ АВТОБУС № 21

из мерцающей мглы
выплывает автобус № 21

застывшая остановка превращается в стан
где много племён перегоняют стада
к водопою двери

врата рая узки
в таре много разбитых сердец
так начинается пытка поездки
к дому

я еду
неравновесно сдавливаемый в срединной точке
дорога восьмерит в бесконечность
я сам – масса этой дороги
я сам – скорость автобуса

остановка в точке перекрестия
верхняя половина опустела
я перевернулся

а автобус № 21 вошел пьяный идиот
пристал к женщине с ребёнком
трогал ее руками
ведал ли он что творил
но автобус мчался со скоростью света
и ряд молодых людей
словно род защищая свой
выкинули его во вне вен
сплющенного пространства

асфальт расплавился
под пентаграммой пьяного идиота
ловя колеса
видел затылком лишь крестовину вала

остановился над телом

племя замахало руками
поплыл далее
набирая лады света
таща чёрные крылья
разорванного плюща

через полчаса
по просьбе женщины
автобус остановился
на нужной большинству пассажиров остановке

сошли по ступеням
на поле плаща
постепенно рассредоточились

автобус № 21
продолжил бесконечный маршрут
к конечной остановке

ЛЯГУШКА

В зоопарке у Баррикадной
Долгие годы
Сидит на камне
Царевна-лягушка

Никто не пошлёт ей стрелу
Вокруг зоопарка высокие стены
А с луком и стрелами
На территорию вход воспрещен

В зоопарке много народу
Ходит-бродит вокруг лягушки
Точно знают: она царевна
Но никто ее не целует

Слишком сложно теперь с царевной
А Иван-дурак подметает землю в вольерах
Он глупец, говорит лягушка,
Продолжая сидеть на камне.

НАТАЛИЯ ШИШКАРЁВА

* * *

В Серебряном бору
пески о нас скучают.
Давно по их следам
не шлёпали вдвоем.
И воды в берегах
со временем мельчают.
И верится с трудом,
что был здесь водоём.

В Серебряном бору
о нас забыли сосны,
Стареют и ворчат,
как пять веков назад.
И так же, как везде,
дороги там несносны:
По осени – грязны,
а в августе пылят.

В Серебряном бору
я больше не бываю.
Этюд, где мы бредём
Уставшие к реке,
Мелькает только в снах,
И, глаз не открывая,
Я вижу хвойный лес
и тени на песке.

* * *

Искромётная, саркастичная…
Просто старая баба злая.

Может быть, это жизнь столичная
Довела до крайнего края.

Умоталась, вися на поручне,
В каждодневном подземном громе
Беспросветом мозги испорчены,
И не ладится что-то в доме.

Ты причин шальных не выдумывай,
Загляни вглубь себя и ахни.
Раз на сцене ружье угрюмое,
Значит, в третьем действии жахнет.

* * *

Я – песчинка, я – пушинка
В экологии Москвы.
Не стучи – пиши машинка
Вместо «ты» – сухое «Вы».

Свет глубокий-одинокий
В летнем городе ночном.
Счастье, боль, восторг, пороки
В том рассказе ни о чём.

Вперемешку быль-придумки,
Чёт и нечет. Кто в долгу?
Руки оттянули сумки,
Взять перо, да не могу.

Не стучи – пиши машинка
Без сочувствий про судьбу,
Я – песчинка, я – пушинка
И не верю в ворожбу.

АПРЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

Что ж так много печали
Обвалилось с небес?
Москвичи одичали:
Восемь месяцев без

Солнца, тёплого света.
Их прогноз на «потом»:
Ждут отчаянно лета,
Укрываясь зонтом.

Льётся, хлещет снаружи
Злобный дождь ледяной,
Переполнены лужи
Мокрой мутной хандрой.

И воды по колено,
Но уже всё равно…
Неужель во вселенной
Так же сыро, темно?

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

(вместо послесловия)

Как пишет в своем предисловии Василий Геронимус, поэты данного сборника представляют пространственно-временной континуум по имени мегаполис Москва каждый по-своему – сообразно тому, как сложилась их жизнь, отражая разные его пласты. Но всех их объединяет одно – любовь к этому городу, в котором они живут, и гордость за него. Эти два чувства присутствуют в каждом стихотворении сборника, хотя каждый из его авторов выражает их по-разному, а временами в строках многих проскальзывает горечь. Поэтому полагаю, что в качестве послесловия к нему может служить моё эссе, написанное для выступления на одном из вечеров цикла «Москва и немосквичи», которые проводятся московской группой культуртрегеров «Культурная инициатива».

Я родилась в Москве на Девичьем поле – вблизи Новодевичьего монастыря, в здании, расположенном в самом конце Погодинской улицы, в котором тогда был роддом, а ныне – какое-то учреждение, и первые семь лет жила там же – на Малой Пироговской улице; выросла в Хамовниках – на улице Фрунзенский вал (ныне он – Хамовнический). В то время по насыпи вдоль этой улицы ходили длинные неспешные товарные поезда, и было уютно засыпать под перестук колес, приглушённый, потому что наш дом стоял и стоит до сих пор торцом к насыпи. Этот дом – второй от набережной Москвы-реки, через которую тогда в том месте был перекинут Андреевский мост (ныне он перенесён в сторону Крымского моста и стал пешеходным). А тогда по нему ходили длинные товарники, и были на нём узкие пешеходные дорожки – сколько же хожено мною по этим дорожкам! Зимой, с санками и лыжами – на той стороне реки находится Нескучный сад на Воробьёвых (в то время – Ленинских) горах, а дети тогда в Москве с малых лет без всякого пригляда гуляли в своих дворах и довольно-таки

обширных окрестностях. И мы с близкой подругой-одноклассницей, таща за собой прикреплённых к нам нашими родителями младших, я – брата, а она – сестру, его ровесницу, а потом и одноклассницу, с 8-ми наших лет гуляли, где хотели, в том числе – на той стороне реки, в безлюдных часто местах. На имеющиеся у нас копейки мы покупали обсыпанные мукой белые-белые ситные булочки, 10 копеек штука, и какие же они были вкусные! Нет сегодня такого ситного хлеба!

После первого замужества я переехала в коммуналку на Колхозную площадь (ныне она – Сухаревская), где и родился мой сын. Из окон наших двух комнат был виден золотой купол института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, очень красивый в лучах утреннего солнца. На эти окна я смотрю каждый раз, когда приходится идти по Садовому кольцу, и вспоминаю, что тогда на площадке, где ныне находится станция метро «Сухаревская» (тогда – «Колхозная», запущенная в январе 1972 года, а до этого мы ходили к/от станции «Чистые пруды», в то время – «Кировская»), стояли дома, закрывая тот, в котором я жила, от шума Садового кольца, в то время, кстати, далеко не такого шумного. Потом мы с первым мужем и трёхлетним сыном переехали в отдельную квартиру в Люблино, и на много лет местом наших прогулок стали Люблинские пруды и Кузьминский парк. И вот уже почти четверть века я живу недалеко от станции метро «Юго-Западная» – в оазисе между Вернадского и Ленинским проспектами. Училась и работала я тоже в Москве, в самых разных её концах, практически все мои родственники и большинство друзей живут в Москве. Причем родители вернулись в район Девичьего поля – уже на Большую Пироговскую.

И с годами я стала замечать, что во время перемещений по Москве в моей голове появляются несколько сентиментальные мысли: вот здесь жил тот-то человек, вот здесь было то-то событие, здесь собирались такой-то компанией и по такому-то поводу, и так далее. А по мере

лет и изменения жизни все чаще начинает двоится и даже уже троится восприятие: вот здесь были такие-то дома, такая-то улица, такая-то контора, ходил такой-то транспорт, а потом, а теперь…. Видимо, всё это и делает город родным, создавая множество корней, которые привязывают человека к определённому месту в мире – единственному, без которого жизнь немыслима. А когда этот город – столица огромной страны, центр культурной жизни на родном языке и одновременно мегаполис, в котором взаимодействуют многие культуры…

В общем, понятно. Даже после небольшой отлучки из родного города, даже возвращаясь из ближнего пригорода, при виде надписи – обычно большими буквами – «МОСКВА» я, сколько себя помню, испытывала прилив радости и глубокое удовлетворение от ощущения, что я там, где мне и надо быть. Также, сколько себя помню, стоило мне услышать всем знакомую бравурную музыку и строки «Я по свету немало хаживал…», и далее: «Но Москвой я привык гордится, /И везде повторял я слова: / Дорогая моя столица, / Золотая моя Москва», мной начинало овладевать некое, как мне когда-то казалось, сентиментальное чувство, которое временами начинало зашкаливать.

Но когда уже в солидном возрасте, отнюдь не в силу собственного желания, а подчиняясь семейным обстоятельствам, я ждала с грудой вещей и котом в перевозке в московском, тогда, по-моему, единственном международном, аэропорту Шереметьево посадки на самолет, следующий рейсом «Москва – Франкфурт», чтобы потом пересесть на рейс «Франкфурт – Бостон», – расставаясь с родным городом как минимум на несколько месяцев, то удивляясь себе, а в сущности, и не удивляясь, я вытирала градом катящиеся по лицу слёзы и шептала: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Вот тогда до меня начало доходить, что дело не только в сентиментальности, а большей частью в некоей корневой

системе, которая питает и которую лучше не испытывать на разрыв без чрезвычайной на то необходимости. И мне навсегда запомнилось, как через несколько месяцев после того отлёта, уже вернувшись на пару месяцев обратно в Москву и опять улетев в Бостон, я стояла морозным январским вечером в пригороде Бостона – в одном из двориков городка Фраминхем – и ждала, когда погрузят в машину костюмы и декорации после праздника детской русской елки, в котором участвовала моя внучка, скользила взглядом по жёлто-коричневым трехэтажным домам этого дворика, и вдруг с отчаянной щемящей тоской ощутила, насколько отличная от родной московской жизни идёт местная жизнь, и прямо до физической боли захотелось домой – в Москву, к родным белесым двенадцатиэтажкам – ну прямо щекой захотелось прижаться к такой двенадцатиэтажке.

Сегодня Москва действительно не та, которую помнят мои ровесники. Да и мир раздвинулся в своих границах. Не так давно вхожу, опаздывая на встречу, на одну из станций недавно построенного участка московского метро, которое за последние годы очень сильно разрослось, смотрю вверх, на вывеску, где обычно указано, к каким станциям идут поезда слева, а к каким – вправо, и вижу: «в сторону центра» и «от центра». Раздраженно соображаю, «в сторону центра», или «от центра» мне надо ехать, чтобы попасть на нужную станцию и с тоской вспоминаю времена, когда на вывесках были попросту перечислены все станции, до которых идут поезда справа и слева после схода с эскалатора, и с еще большим раздражением думаю, что вижу кальку с «downtown» «uptown». Ну и зачем калькировать из другой культуры? И таких калек, увы, появилось очень много.

Но Москва есть Москва – дорогой, любимый, единственно родной в мире город, один из великих мегаполисов. И когда я стою на смотровой площадке около Университета, или гуляю по набережной Нескучного сада, или сижу на

лавочке в Александровском саду или на площади перед Большим театром – список можно продолжить до бесконечности, хотя родной Юго-Запад навсегда самый родной, то мне так и хочется промурлыкать: «Я по свету немало хаживал...» – тем паче что «хаживания» этого действительно набралось уже «немало». И далее, как несколько – уже – десятилетий назад, с тех майских демонстраций, на которые меня водили с раннего детства, потому что родители были обязаны ходить на них от своих предприятий, повторяю слова, от которых перехватывает дыхание и увлажняются глаза: «Я люблю подмосковные рощи / И мосты над твоею рекой, / Я люблю твою Красную площадь / И кремлёвских курантов бой. // В городах и далёких станицах / О тебе не умолкнет молва: / Дорогая моя столица, / Золотая моя Москва».

Людмила Вязмитинова

ОБ АВТОРАХ

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВ (м. р.: пос. Красково, Люберецкий р-н, Моск. обл.) – поэт, прозаик, эссеист, культуролог, историк, первая публ. в 2001 г., автор 2-х книг стихов и прозы, книги прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2002 г.

ВЛАДИМИР ВАСМУТ (1951-2013, м. р.: Ленинград) – поэт, художник, первая публ. в начале 1990-х, автор 3-х книг стихов и ряда публ. в периодике, был членом МСЛ с 2005 г.

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, сценарист, первая публ. в 1964 г., автор книги прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1981 г.

ЮРИЙ ВЛОДОВ (1932–2009, м. р.: Новосибирск) – поэт, легендарная фигура московского андеграунда (автор знаменитого двустишия «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!»), при жизни издана одна книга стихов, посмертно – ещё две, первая публ. в 1957 г., был членом МСЛ с 2007 г.

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА (м. р.: Москва) – поэт, эссеист, литер. критик, первая публ. в 1985 г., автор 3-х книг стихов, 2-х книг критических статей (одна – в соавт. с А. Цукановым) и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2004 г.

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН (м. р.: Ленинград) – поэт, прозаик, график, первая публ. в 1978 г., автор 5-ти книг стихов, 3-х романов (в соавт. с В. Ольшанецким) и 4-х альбомов графики, член МСЛ с 2013 г.

ДМИТРИЙ ГВОЗДЕЦКИЙ (м. р.: Москва) – поэт, эссеист, первая публ. в 2009 г., автор мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2016 г.

ВАСИЛИЙ ГЕРОНИМУС (м. р.: Москва) – поэт, эссеист, литер. критик, первая публ. в 1991 г., автор 4-х книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2002 г.

НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА (м. р.: Москва) – поэт, первая публ. в 1987 г., автор 3-х книг стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2007 г.

АЛЕКСАНДР ГУТОВ (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, первая публ. в 1997 г., автор 3-х книг стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2003 г.

АЛЕКСЕЙ ДИДУРОВ (1948-2006, м. р.: Москва) – поэт, прозаик, журналист, литературный критик, драматург, бард, создатель и ведущий (с 1979 г.) литер. рок-кабаре «Кардиограмма», первая публ. (официально) в 1991 г., автор 5-х книг стихов и прозы, нескольких CD-альбомов песен и мн. публ. в периодике, составитель 3-х антологий, был членом МСЛ с 1978 г.

ОЛЬГА ДОБРИЦЫНА (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, сценарист, художник, первая публ. в 1982 г., автор книги стихов, книги прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1996 г.

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, искусствовед, эссеист, первая публ. в 2002 г., автор 2-х книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

ВЛАДИМИР КОЗЕНЕЦ (м. р.: Москва) – поэт, первая публ. в 2001 г., автор 12-ти книг стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2007 г.

БОРИС КОЛЫМАГИН (м. р.: пос. Редкино, Тверская обл.) – поэт, публицист, первая публ. в 1982 г., автор 2-х книг стихов, 3-х книг на религиозную проблематику и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1995 г.

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН (м. р.: Волгореченск, Костромская обл.) – поэт, художник, первая публ. в 1994 г., автор 3-х книг стихов, член МСЛ с 1998 г.

ВЯЧЕСЛАВ КУРОЧКИН (м. р.: село Мельничный Починок, Рыбнослободский р-н, ТаССР) – поэт, первая публ. в 1989 г., автор ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

МАРК ЛЯНДО (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, эссеист, первая публ. в 60-х гг., автор 4-х книг стихов и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1997 г.

ЛАРИСА МЕЩАНИНОВА (м. р.: Киев) – поэт, прозаик, эссеист, бард, первая публ. в начале 1990-х, автор 2-х CD-альбомов песен и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2011 г.

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ (м. р.: Баку) – поэт, прозаик, литер. критик, первая публ. в 1962 г., автор 5-ти книг стихов, 2-х книг прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 1983 г.

ЗОЯ МОРЕВА (м. р.: Харьков) – поэт, прозаик, первая публ. в 2009 г., автор мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2016 г.

МАРИЯ ОРДЫНСКАЯ (1958-2017, м. р.: Ленинград) – поэт, прозаик, эссеист, первая публ. в 1998 г., автор книги стихов, книги прозы, 5-ти научно-популярных книг для детей, 4-х научно-популярных книг по компьютерной грамотности и ряда публ. в периодике, была членом МСЛ с 1996 г.

ВАДИМ ОРЛОВСКИЙ (1952-2009, м. р.: село Пушкинские Горы, Псковская обл.) – поэт, первая публ. в 1999 г., автор 3-х книг стихов и ряда публ. в периодике, был членом МСЛ с 1999 г.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА (м. р.: Барнаул, Алтайский край) – поэт, прозаик, эссеист, первая публ. в 1982 г., автор 4-х книг стихов, 2-х книг прозы и мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2006 г.

МАРИЯ ПОПОВА (м. р.: Новосибирск) – поэт, журналист, эссеист, первая публ. в 2006 г., автор мн. публ. в периодике, член МСЛ с 2017 г.

ЕЛЕНА РЫЛЕЕВА (м. р.: Пушкино, Моск. обл.) – поэт, прозаик, бард, первая публ. в 2002 г., автор 2-х книг стихов, 6-ти авторских книжек-визиток ручной работы, CD-альбома песен, CD-альбома сказок в стихах для взрослых и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2002 г.

АРКАША САПОЖКОВ (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, первая публ. в 1994 г., автор книги стихов, 3-х CD -альбомов песен и ряда публикаций в периодике, член МСЛ с 2017 г.

МАРИНА СОЛОВЬЁВА (м. р.: Москва) – поэт, литературовед, первая публ. в 1980 г., автор 6-ти книг стихов, 5-ти книг прозы и ряда литературовед. работ, член МСЛ с 2001 г.

АНЯ ФИЛАТОВА (м. р.: Москва) – поэт, бард, лидер рок-группы «Змеи и лестницы», первая публ. в 1993 г., участник неск. поэт. сборников и антологий, автор 2-х CD-альбомов песен, член МСЛ с 1999 г.

АНДРЕЙ ЦУКАНОВ (м. р.: Москва) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, первая публ. в 1990 г., автор 2-х книг стихов, книги статей (в соавт. с Л. Вязмитиновой), ряда публ. в периодике и переводов ряда книг с англ. языка, член МСЛ с 2001 г.

НАТАЛИЯ ШИШКАРЁВА (м. р.: Фрязино, Моск. обл.) – поэт, эссеист, первая публ. в 2001 г., автор книги стихов и ряда публ. в периодике, член МСЛ с 2002 г.

С о д е р ж а н и е

СТИХИ О МОСКВЕ *(предисловие: В. Геронимус)* (3)

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВ (5)
ВЛАДИМИР ВАСМУТ (6)
ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА (12)
ЮРИЙ ВЛОДОВ (13)
ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА (20)
ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН (21)
ДМИТРИЙ ГВОЗДЕЦКИЙ (22)
ВАСИЛИЙ ГЕРОНИМУС (23)
НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА (25)
АЛЕКСАНДР ГУТОВ (28)
АЛЕКСЕЙ ДИДУРОВ (30)
ОЛЬГА ДОБРИЦЫНА (34)
ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА (37)
БОРИС КОЛЫМАГИН (40)
ВЛАДИМИР КОЗЕНЕЦ (44)
СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН (45)
ВЯЧЕСЛАВ КУРОЧКИН (49)
МАРК ЛЯНДО (50)
ЛАРИСА МЕЩАНИНОВА (59)
ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ (61)
ЗОЯ МОРЕВА (66)
МАРИЯ ОРДЫНСКАЯ (68)
ВАДИМ ОРЛОВСКИЙ (72)
ЛЮДМИЛА ОСОКИНА (73)

МАРИЯ ПОПОВА (76)
ЕЛЕНА РЫЛЕЕВА (78)
АРКАША САПОЖКОВ (81)
МАРИНА СОЛОВЬЁВА (83)
АНЯ ФИЛАТОВА (87)
АНДРЕЙ ЦУКАНОВ (89)
НАТАЛИЯ ШИШКАРЁВА (93)

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА
(вместо послесловия) (Л. Вязмитинова) (96)

ОБ АВТОРАХ (101)

Литературно-художественное издание

Московский союз литераторов

МОСКВА
МЕГАПОЛИС
ДОМ

Поэтический мегаполисборник

Редактор-составитель: Людмила Вязмитинова

Дизайн обложки: Валерий Галечьян

Издатель «ИП ПРЯХИН»

подписано в печать 28.12.17

гарнитура «Times»
печать цифровая формат А3/4
отпечатано с готового оригинал-макета
в «ИП ПРЯХИН В.К.»
г.Тула ул.Гоголевская, 71